

Сентябрьский пленум

3 сентября 1953 года наконец-то открылся Пленум ЦК КПСС, целиком посвященный проблемам сельского хозяйства. Отец выступил с докладом. Им открывается первая книга из восьмитомного собрания, изданного в 1962–1964 годах и содержащих все, что отец говорил или писал о сельском хозяйстве. Доклад плотно пересыпан цифрами, сравнительными таблицами. Отец любил цифры и умел ими пользоваться. Порой в процессе выступления, стоя на трибуне, перемножал пуды на гектары или кормовые единицы на центнеры, делил, складывал, вычитал, с удовольствием произносил результат, подтверждавший его основную мысль.

В начале доклада отец поддержал Маленкова: успешная индустриализация создала предпосылки для ускоренного развития легкой промышленности. Затем он заговорил о проблемах: рост сельскохозяйственного производства последние десятилетия отставал от роста

городского населения; другими словами, пищи на одного едока производилось все меньше, и главная причина этого – «нарушение принципа материальной заинтересованности».

Только материальной заинтересованностью производителя, через карман, удастся увеличить производство – этого принципа отец придерживался всегда и насколько мог. Иногда все же срывался на окрик и, как бы в подтверждение собственной правоты, немедленно испытывал разочарование, дело не залаживалось. Он спохватывался и снова возвращался к разумному сбалансированию меры труда с мерой оплаты.

На этом Пленуме отец впервые публично сказал, что жизнь советских людей, по сравнению с условиями жизни на Западе, выглядит удручающе, и тут же привел соответствующие цифры. В 1952 году россияне в основном питались хлебом и картошкой, в год съедали 200 килограммов хлеба и 190 килограммов картофеля, тогда как в США потребляли этих продуктов соответственно 78 и 52,2 килограмма в год. Мяса на каждого американца в 1952 году пришлось 81,4 килограмма, а в Советском Союзе только 24 килограмма, около 70 граммов на день. Примерно также обстояло дело и с молоком – 345 килограммов и 159 килограммов, и с яйцами – 379 штук и 70 штук, и с овощами – 127 килограммов и 60 килограммов, и с фруктами – 90 и 16 килограммов, и со всеми остальными продуктами.

Члены Пленума ЦК слушали отца затаив дыхание, не то чтобы он открывал Америку – как живут и что едят советские люди, сидевшие в зале знали. Знали, но вслух об этом, даже между собой, не говорили. Вслух полагалось говорить о наших преимуществах перед капитализмом, а уж никак ни об отставании. Еще недавно за подобные речи могли обвинить в антисоветской пропаганде со всеми вытекающими последствиями. А тут крамола звучит с кремлевской трибуны! Отец считал, что только через правду осознания реалий жизни мы сможем начать выправлять положение, вылезать из ямы, в которую загнали страну.

Затем он привел рассчитанные учеными нормы питания на человека в год: хлеба – 121 кг, картошки – 114, овощей – 141, молока – 540, мяса – 65, яиц – 360 штук и так далее. «Надо поставить задачу достижения научно обоснованных норм питания...» – завершил отец рассказ о том, где сегодня находится страна и куда нам предстоит двигаться, чтобы подтвердить преимущества социалистического строя. Собственно, в этом состоит вся его программа на последующие годы.

Отец еще не говорит о соревновании с Америкой в производстве продуктов питания, но уже четко расставляет приоритеты. К «хлебно-картофельной диете», к дисбалансу в питании советских людей он постоянно возвращается и в разговорах дома со своими гостями.

А вот опубликовать приведенные в выступлении цифры отец в 1953 году не решился, очень уж они не соответствовали общепринятым «истинам» преимущества социалистического образа жизни. Достоянием гласности они станут только через четыре года, когда отец в Ленинграде в открытую призовет всех попытаться догнать американцев в ассортименте повседневной еды.

В 1953 году на Пленуме отец говорил еще не о достижении цели, а о том, как сдвинуться с мертвой точки, в первую очередь о заготовительных ценах, ценах, которые не просто окупят затраты крестьян, но и заинтересуют их производить больше и лучше. Цены решили поднять в разы: на сдаваемое государству мясо-птицу – в 5,5 раз, на молоко и масло – в 2 раза, картофель – в 2,5 раза, на овощи – на 25–40 процентов. Отец предупредил, что это только первый шаг, увеличение цен впечатляет, но только по сравнению с мизерными ценами, установленными в прошлые годы. Просто к большему, к реальной оплате за вложенный крестьянами труд, страна пока не готова, у правительства нет таких ресурсов.

Отец потребовал, чтобы договора с колхозами на поставку их продукции заключались не в конце лета по «факту», в зависимости от урожая, а заранее, чтобы крестьянин знал, что у него не отберут все, а он, если постарается, разделившись с поставками, сможет обеспечить и себя, и свою семью. Говоря о мерах по увеличению производства мяса, отец подчеркивал:

без кормов голодный скот мяса не нагуляет. И тут он впервые на общесоюзном уровне произносит магическое слово «кукуруза», детально сравнивает ее кормовой потенциал с сеном, овсом и приходит к заключению: без кукурузы останемся и без мяса тоже.

Эффективность кормов наука измеряет в так называемых кормовых единицах – мере, определяющей привес животного в зависимости от вида корма. По мнению ученых, кукуруза, особенно в смеси с соей или горохом, в десятки раз превосходит по своей эффективности традиционный овес, не говоря уже о сене. Кукурузная эпопея началась не случайно, она – плод серьезного научного анализа и одна из основных компонент реформы российского сельского хозяйства. Отец ухватился за кукурузу, как за единственный шанс, позволявший разрешить, казалось бы, неразрешимую для нашей холодной страны задачу быстрого и многократного увеличения производства мяса, круглогодичного откорма бычков, свиней, птицы.

Возможно ли вообще в российских условиях решить поставленную отцом задачу самостоятельно накормить страну, или он увлекся несбыточными фантазиями?

Ведь Россия – не США. По климатическим условиям она ближе к Канаде. Однако в Канаде живет не 300 и не 200 миллионов человек, а всего 38 миллионов. Урожая им хватает и на собственный прокорм, и на экспорт.

Ученые-агроarii и экономисты заверяли: расчеты подтверждают, если взяться за дело с умом, страна себя прокормит и даже сможет экспортировать продукцию сельского хозяйства. И это будет не «голодный экспорт» XIX или начала XX веков, когда народ недоедал, а крупные землевладельцы продавали зерно за границу, – а нормальная продажа излишков, того, что останется от собственного стола. Отец взялся за реализацию этой, казавшейся в 1953 году не очень реализуемой, программы.

«По сравнению с довоенным уровнем, поголовье коров в личной собственности сократилось на 6,5 миллионов голов, бескоровные колхозные подворья составляют 45 процентов, – сетует отец и требует до конца покончить с неправильной практикой ущемления интересов колхозника в отношении скота, находящегося в частной собственности». Далее отец говорит о недавно принятом законе, стимулирующем выращивание скота в индивидуальных хозяйствах, – при покупке коровы сразу вдвое снижался взимаемый с подворья налог.

Однако он не отвечает на главный вопрос: как и чем кормить этих «индивидуальных» коров? Специальные корма в магазинах не продаются, в колхозах и совхозах их тоже в обрез, на свой огород нечего и рассчитывать. Остается или воровать корма в том же колхозе, что подсудно, как и всякое воровство, или кормить скотину хлебом из магазина, благо, он дешев. Продав часть мяса, не только возместишь все расходы, но останешься с прибылью.

В 1953 году хлеба в магазинах продавалось настолько мало, что людям едва хватало, и такая угроза представлялась гипотетической. Но стоит поднять производство зерна, ликвидировать дефицит и... Отец или не понимал, какую мину замедленного действия подводит под собственную политику будущего изобилия, или посчитал, что будущее покажет, – не знаю. Но проблема скормливания скоту дешевых хлебных буханок преследовала его все последующие годы. Цены на хлеб он повысить не мог, дела с кукурузой шли через пень-колоду, кормов по-прежнему не доставало. Оставались административные меры, запреты, что в противодействие экономическим стимулам всегда неэффективно. За эти стимулы постоянно ратовал отец. Только в случае с хлебом, скормливаемом свиньям и коровам, эти стимулы обернулись против него.

Лейтмотив доклада: надо снижать налоги, увеличивать закупки по добровольно согласованным с крестьянином-продавцом ценам и дать больше свободы колхозам, пусть они сами решают, что и как им выгоднее производить.

Перечитал написанное и удивился банальности всего вышесказанного, а тогда доклад прозвучал набатом. Сталин о жизни в деревне, а значит и стране, судил по чудесному «сказочному» кинофильму «Кубанские казаки» с песнями, танцами, столами, больше похожими

на взлетные полосы аэродромов, ломящимися от всякой снеди. Конечно, сами полуголодные, горожане знали, что на деле крестьяне живут иначе. Но одно дело знать, а совсем другое в те годы сказать правду, да еще на Пленуме ЦК. А отец сказал, что крестьяне живут еще беднее и униженнее, чем горожане. Налогами из них давно высосали все соки, так жить они не хотят больше, не хотят работать задаром, только и норовят сбежать куда глаза глядят.

В 1930-е годы индустриализация страны финансировалась Сталиным за счет ограбления крестьян, деньги ниоткуда не появляются, их надо у кого-то отобрать. Отобрать у врага. В «мелкобуржуазности» крестьян усматривалась враждебность и даже опасность новой «Вандеи», Вандеи, когда-то погубившей Французскую революцию. Крестьян грабили осознанно, идеологически обоснованно. Сталин в своем деле преуспел, промышленность построил, но сельское хозяйство разорил. Пришла пора возвращать награбленное. Ох, как это не просто возвращать долги, особенно чужие. Собственно, это главное, что отец предложил на Пленуме ЦК: перестать грабить деревню, а если мы пока не в состоянии вернуть ей долги, то хотя бы надо снизить налоги, начать платить колхозам и колхозникам по труду, дать им чуть воли, чтобы люди почувствовали интерес к работе. Все так просто: хочешь иметь хлеб, не отнимай, лучше заплати. С этого в 1921 году начался переход от военного коммунизма к нэпу, с этого начинал и отец. Еще год назад за такие слова записали бы во «враги народа», а то и на Лубянку отправили. Я уже писал, чего стоили отцу «агрогорода», намерение хоть немного облегчить крестьянам условия жизни. Теперь же отец всерьез покусился на самые устои сталинского отношения к деревне. Его выступление на Пленуме вселило в крестьян надежду.

На пленуме, по предложению Маленкова, должность отца переименовали из просто Секретаря ЦК в Первого секретаря, проштамповали тем самым сложившуюся расстановку сил. Я не запомнил никаких обсуждений этого решения, оно считалось естественно рутинным, так же, как и то, что выступил с ним Маленков, формально первое, а по существу второе лицо в государстве, второе после Бериин, а теперь после отца.